

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СЛУЖАЩИЕ В МЕГАПОЛИСАХ И ЛОКАЛЬНОСТЯХ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9

EDN: KXGAVF

Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов

Ссылка для цитирования: Чирикова А. Е. Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 1. С. 165–183. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9; EDN: KXGAVF.

For citation: Chirikova A. E. Power in small Russian cities: managerial problems and motivation of actors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 165–183. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9; EDN: KXGAVF.

Чирикова Алла Евгеньевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

chirikova_a@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 474352

Аннотация. В данной статье представлен анализ российской муниципальной власти на примере малых российских городов. Анализ опирается на результаты эмпирического исследования, проведенного при участии автора в шести малых городах в Пермского края, Ивановской и Тамбовской областей. Исследование осуществлялось в два этапа. На первом этапе было проведено 69 глубинных интервью с представителями локальных и региональных элит и экспертами (2012–2015 гг.). На втором этапе в 2018–2020 гг. было проведено 64 интервью, в том числе с теми же респондентами, кто был проинтервьюирован на первом этапе. В 2023 г. были проведены дополнительно несколько интервью с экспертами в городе Пермского края в связи с резко изменившейся ситуацией.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что проблемное поле малых городов за прошедшие годы изменилось не столь значительно. До сих пор проблемы концентрируются вокруг темы ухудшающегося социально-экономического положения, налогов и кадрового дефицита. В тоже время управленческие проблемы власти нарастают в связи с дефицитом кадров в малых городах, управленческой слабостью некоторых глав малых городов. Среди новых проблем – пандемия, недостаточное число лидеров в корпусе муниципальных руководителей, последствия СВО. Анализ мотивационного профиля глав муниципальных образований и их команд показал, что за последние годы у глав городов повысился уровень мотивации и эффективность управления. Запрос элит и населения к власти значительно усилился, что не могло не отразиться на внутренней мотивации акторов. Эмпирическое исследование на примере одного моногорода позволило убедиться в том,

что малый город при всех ресурсных и иных ограничениях вполне может развиваться, если сформирована партнерская модель взаимодействия между местной властью и стратегическими лидерами крупной компании. Однако и она не всегда гарантирует, что достигнутая эффективность взаимодействия власти и бизнеса останется без изменений, если в систему отношений двух акторов вмешивается федеральная власть.

Ключевые слова: власть, Россия, малые города, мотивация акторов, лидерство

Введение

Муниципальная власть в России, ее структура и ключевые акторы уже на протяжении как минимум двух десятилетий являются предметом анализа и академических дискуссий, в которых участвуют экономисты, социологи, политологи, географы. Анализ опирается на результаты теоретических и эмпирических исследований по широкому кругу проблем социальных наук.

Впервые вопросы исследования власти в локальных сообществах были поставлены в работах западных исследователей более 30 лет назад. Наиболее известными исследователями в этой области являются Р. Даль, Ф. Нантер, К. Стоун и др. [23; 25; 26; 27; 28; 29].

В России исследования власти в городах и других муниципальных образованиях начались значительно позднее. В центре внимания российских исследователей находились теоретические подходы к изучению власти, представленные в работах таких известных исследователей как А. В. Дахин, В. Г. Ледяев, Р. Ф. Туровский, [6; 8; 9; 10; 11; 13; 16; 20] и др. Отдельно в работах российских исследователей рассматривались проблемы городских сообществ, в том числе малых городов. Достаточно вспомнить широко известные работы по изучению властных практик в малых российских городах таких исследователей как Т. Б. Витковская и О. В. Рябова, А. Е. Чирикова и В. Г. Ледяев [20; 21] и др. Часть работ российских авторов посвящена формированию городских режимов в локальных сообществах и представлена работами В. Я. Гельмана и С. И. Рыженкова, Р. Ф. Туровского, Ю. А. Пустовойта, Е. В. Тыкановой и А. М. Хохловой [3; 15; 18; 20] и др. Особое внимание исследователями уделено реформам местного самоуправления. Достаточно вспомнить широко известные работы санкт-петербургских и пермских исследователей В. С. Гельмана, С. И. Рыженкова, Е. В. Белокуровой и Н. В. Борисовой [4; 5] и др. Также в работах Р. Ф. Туровского и О. С. Васеленко [17], О. А. Моляренко [12], М. Ф. Черныша, В. В. Маркина [10; 11] подробно рассматривается общее проблемное поле, в том числе управленческое, малых городов [17] и др.

Однако уровень изученности темы остается явно недостаточным: исследования редко опираются на интервью с наиболее влиятельными акторами (которые резонно считаются наиболее важным каналом получения

информации о властных практиках) и обычно не охватывают пространство малых городов. Представленное нами исследование призвано восполнить этот пробел.

При описании, анализе и объяснении властных практик мы используем традиционную концепцию власти как способности и возможности субъекта навязать волю объекту («власть над», которая подробно рассматривается в работах В. Г. Ледяева [9]). В качестве субъектов власти в нашем исследовании рассматриваются ключевые индивидуальные и коллективные акторы локальной политики, понимаемой нами как местная политика, или политика на уровне мест. Субъекты власти имеют различный потенциал влияния друг на друга и на других акторов. Осознаваемые ими проблемы власти, как и взаимоотношения с другими ключевыми акторами, в том числе управленческие, представляют собой открытый список и во многом зависят от их внутренней мотивации. Поэтому в данном случае резонно говорить о «субъективной картине проблем», как она представляется ключевым субъектам, а не об объективном существовании таковых. Хотя нельзя не признать, что конструирование проблемного поля ключевыми субъектами властной и экономической политики во многих случаях совпадает с их объективным присутствием в малых городах.

Характер взаимоотношений между акторами во многом определяется тем набором ресурсов власти, которыми они обладают и используют для позиционирования в отношениях друг с другом. Отношения власти и влияния вариативны и репрезентируются через широкий спектр паттернов – от грубой силы и открытого принуждения, до мягких форм влияния и тонких манипуляций, не осознаваемых объектом [9].

Наличие значительного количества трудов, посвященных муниципальной власти в России, не означает, что тема исчерпана и все ее проблемные вопросы решены. Происходящие в социуме изменения и новые факторы, существенно влияющие на деятельность муниципальных властей, требуют постоянной коррекции наших представлений о том, как работает институт местного самоуправления и какие тенденции наблюдаются в данной сфере. В настоящей статье, посвященной проблемам муниципальной власти и мотивации акторов, представлены два основных сюжета, связанных с происходящими в муниципальной власти изменениями, восприятием проблемной ситуации локальными элитами и мотивациями глав муниципальных образований и их команд как ресурсами для развития малых городов. Основной вопрос, на который мы попытаемся дать ответ: возможны ли в существующих условиях позитивные перемены в деятельности муниципальных властей.

Эмпирическая база и методы исследования

Наш анализ опирается на результаты эмпирического исследования, проведенного в шести малых городах в Пермском крае (X, Y, G), Ивановской (Z, C) и Тамбовской (A) областях, названия которых не раскрываются по просьбе респондентов. Исследование проводилось в два этапа.

Выбор конкретных городов для исследования был во многом обусловлен их относительной доступностью для проведения исследования. Все города – административные центры, имеют сравнительно сопоставимую численность населения (41–80 тыс. жителей) и зависят от региональных и федеральных трансфертов, то есть, являются городами-реципиентами, за исключением города G, что типично для малых российских городов. Два из исследованных городов (Y и G) – моногорода. Город Y ко второму этапу исследования резко снизил свой социально-экономический потенциал, фактически стал неинтересен региональной власти и лишился поддержки своих проектов на региональном уровне. Город G напротив, ко второму этапу исследования, нарастил свой экономический потенциал, а градообразующая компания и местная власть сформировали к этому времени партнерскую модель взаимодействия, ее ключевые фигуры продвинулись в состав областной Думы и периодически получали поддержку своих проектов на региональном уровне.

Всего нами было проведено 133 глубинных интервью с деятелями локальной политики и экономики. Интервьюируемыми были ключевые фигуры городской политики и бизнеса: региональные руководители (10), действующие и бывшие главы городов (14), заместители глав малых городов (12), руководители управлений исполнительной власти, включая пресс-секретарей (16), председатели городских дум и советов (9), депутаты (16), бизнесмены и директора предприятий (26), главные редакторы местных газет и телевидения, журналисты (8), лидеры местных партийных организаций (12), эксперты (10)¹.

Методы исследования

Для выявления наиболее влиятельных акторов в малых российских городах мы использовали некоторую упрощенную комбинацию классических методов.

С помощью позиционного метода определялся приблизительный круг потенциально влиятельных лиц и список будущих респондентов. Как правило, нам удавалось получить к ним доступ с помощью наших связей в руководстве субъектов РФ, в которых проводилось исследование. В ходе интервью с очевидными позиционными лидерами сообществ выяснялась информация и о властной репутации акторов, и об их роли в принятии политических решений.

Репутационный индикатор, пожалуй, оказался наиболее весомым при объяснении структуры власти в малых городах, тем более что практически все упоминаемые в интервью персонажи и выступали в качестве респондентов (экспертов).

¹ При выборе фигур для интервью мы ориентировались на наиболее влиятельных акторов, представляющих структуры публичной власти и бизнеса. Остальные участники исследования, например, эксперты и журналисты привлекались как лица, способные оценить ситуацию «извне». Руководители партий были включены в выборку по той простой причине, что весьма часто тонкие вопросы власти обсуждаются именно на партийных заседаниях, на которых, нередко, присутствуют главы городов.

Метод интервью, с помощью которого было проведено данное исследование, оказался наиболее эффективным для получения интересующей нас информации для последующих аналитических выводов. Получение информации через глубинные интервью – доминирующий тренд в изучении локальной политики, а изучение кейсов – наиболее популярный метод исследования [22; 30]. Изучение кейсов не может рассматриваться как «репрезентативное» для анализа властных отношений в российских городах, но оно дает материал, позволяющий делать более широкие обобщения. Материалы, полученные в ходе интервью, на последующих этапах подвергались нами тщательному анализу с использованием принципа «рефлексивной дистанции». Это позволяло «очистить» информацию от непреднамеренных субъективных искажений. Тексты интервью разбивались на тематические блоки, в зависимости от полученной от респондентов информации и целей исследования. Далее полученные оценки становились предметом концептуальной интерпретации и системного анализа, при котором особое внимание уделялось их противоречивости или непротиворечивости. В ходе интервью мы стремились уходить от социально-одобряемых ответов респондентов, за счет уточняющих и углубленных вопросов. Полученная информация проверялась перекрестными вопросами, что позволяло снизить эффект социальных эспектаций.

Управленческие проблемы муниципальной власти вчера и сегодня: оценки локальных акторов

Результаты исследования показали, что комплекс проблем малых городов 5–8 лет назад и сегодня остался практически неизменным, за исключением пандемии и СВО. Самое главное, что подчеркивают представители городских элит, – это отсутствие у муниципальных властей ресурсов развития, финансовых и кадровых.

Среди наиболее часто формулируемых респондентами проблем во всех городах как вчера, так и сегодня остается проблема перераспределения налоговых источников пополнения бюджета. Сегодня муниципалитеты большую часть собираемых средств отдают наверх, тратя оставшиеся ресурсы на выполнение соцобязательств и лишаясь возможности развиваться. Именно поэтому одного НДФЛ, по их мнению, явно недостаточно для реализации стратегии развития муниципалитетов: *«Муниципалитеты находятся сейчас на грани без субсидий из вышестоящего бюджета. Они не то, что не могут развиваться, они уже и жить не могут. В результате идет раскардаш»*, – убежден респондент из города А.

Помимо налоговых проблем, респонденты, принявшие участие в исследовании, отмечают психологические и управленческие ограничения местной власти. Чаще всего среди них называют следующие проблемы:

- Слабый кадровый потенциал, низкая работоспособность некоторых глав городов и их команд;

- Слабая мотивация глав городов и их команд;
- Инертность института муниципальной власти, бюрократизация, низкая скорость принятия решений;
- Развитость неформальных практик (коррупционность) во взаимодействии с бизнесом и населением;
- Эффект эмоционального выгорания сотрудников;
- Напряженность в отношениях с властями региона неудовлетворенность действиями федерального центра¹.

Наибольшую неудовлетворенность среди респондентов вызывает уровень квалификации членов команд глав городов. Также городские элиты становятся все более требовательными к персоналиям, возглавляющим города. На первый план в оценках интервьюируемых выходят их лидерские качества [13]. В то же время далеко не всех глав можно отнести к эффективным менеджерам. По крайней мере, именно так всего лишь 5–7 лет назад считали высокопоставленные регионалы.

Один из вице-губернаторов Тамбовской области в 2015 г. открыто выражал свое недовольство корпусом глав местного самоуправления: *«Мне говорят: надо дать полную самостоятельность муниципалитетам. Но муниципалитеты к этому абсолютно не готовы. Они жили при прежнем губернаторе в состоянии жесточайшего контроля. Контролировался каждый их чих. Они воспринимают новую модель управления не как возможность реализоваться, возможность нормально поработать, а как слабость. Приходится с большой регулярностью устраивать порки, выгонять наиболее отличившихся... Уровень глав, к сожалению, очень разный».*

Другой вице-губернатор в своем интервью в 2013 г. также невысоко оценивает глав городов: *«Есть либо кормленщики, которые думают о том, как бы пожить, а вы потом думайте, как из этой ситуации выбраться, либо иждивенцы, которые думают, что они могут делать что угодно, а мы потом их должны вытаскивать».*

Результаты второго этапа исследования, проведенного в 2018–2020 гг. позволяют говорить об оценках, свидетельствующих о некотором росте профессионализма глав городов. В четырех из шести изученных нами городов респонденты в целом удовлетворены работой своих глав, хотя и отмечают проблемы с формированием их команд.

Напряженными в ряде городов (в четырех из шести) остаются и отношения с региональными властями. Прежде всего, управленцы муниципального уровня недовольны требованием беспрекословного подчинения руководству субъектов РФ, которые часто не знают ситуацию на местах: *«Сплошной формализм, много ненужной отчетности. Шаг в сторону и начинается... Но как без риска?»* – замечает один из представителей муниципальной власти.

¹ В 2022 году произошли расширение поля проблем муниципальной власти и резкое возрастание управленческих нагрузок в условиях СВО.

Опрошенные эксперты, в свою очередь, убеждены, что *«чаще всего причиной конфликтов между регионалами и муниципалитетами является личное отчуждение и борьба за распределение доходов»*.

Руководители региональной власти, со своей стороны, также не удовлетворены существующими отношениями, полагая, что муниципальная власть могла бы отказаться от излишней самостоятельности и продемонстрировать больший пиетет перед государственной властью. Тем более, что жесткий контроль чаще всего вызван неэффективностью решений, принимаемых органами местного самоуправления на фоне низкого уровня дисциплины в муниципальных структурах.

Процесс взаимного недовольства сохраняется на протяжении как минимум двух десятилетий, и вряд ли может быть сегодня преодолен хотя бы потому, что полностью формализовать отношения акторов в иерархической системе невозможно.

Серьезнейшей проблемой для муниципальной власти в 2020–2021 гг. являлась ситуация с ковидом. Она отчетливо показала, что муниципалитеты в условиях форс-мажора не имеют должных финансовых, человеческих и организационных ресурсов для преодоления неординарных ситуаций. Тем не менее, как полагают наши респонденты, большинство глав городов *«действует по возможности»*, благодаря чему ситуация в городах напряженная, но не катастрофическая.

В сложных условиях пандемии управленцы из изученных городов возлагают надежды на региональных руководителей, но большинство из них считает, что со стороны властей субъекта РФ *«контроля много, а помощи мало»*.

Можно было предположить, что в условиях порожденного пандемией кризиса произойдут мобилизация глав городов и их команд, а также поиск новых возможностей для выживания и наращивания управленческого потенциала муниципальных управленцев. Однако вопрос о том, сумеют ли муниципальные власти мобилизоваться в сложных условиях, остается открытым. При этом следует учесть масштаб проблем, которые существовали до пандемии и также требовали решения¹. Они никуда не исчезли, а к ним добавились новые вызовы, связанные с СВО и масштабными рестрикциями со стороны США и их союзников.

Некоторые наши респонденты отметили позитивные перемены между двумя этапами исследования. Причина – изменение запроса со стороны населения к власти. Именно так видит ситуацию региональный социолог из Тамбовской области: *«Раньше приезжаешь в малый город, там одна разруха. Сейчас приезжаешь, – все иначе. Спрос с власти со стороны населения стал больше»*.

¹ Начало СВО в большой степени, как показал 2022 год, усложнило управленческую ситуацию в малых городах. Оказавшись в условиях санкционного режима, акторы власти и бизнеса были вынуждены перестраивать свою деятельность. Элита власти оказалась вынуждена исполнять федеральные предписания, располагая ограниченной ресурсной базой. Поначалу власть допускала ошибки, которые жестко наказывались Центром, но со временем власть и бизнес приспособились к санкционному режиму, хотя произошло это несколько позже того времени, когда проводился второй этап исследования.

Изменение запроса граждан к власти привело к тому, что в некоторых городах местную власть возглавили новые сильные фигуры, которые смогли изменить ситуацию к лучшему. Наиболее очевидный пример – город G. Позитивные перемены произошли и в некоторых других городах.

Необходимость жить и работать в условиях санкционного режима еще более усложнила управленческую ситуацию в малых городах, о чем свидетельствуют отдельные оценки экспертов и ключевых фигур бизнеса и власти, однако системного исследования проблемного поля в условиях санкционного режима и практики мобилизации нами пока не проведено. Поэтому все полученные оценки носят предварительный характер, но их направленность отчетливо указывает с одной стороны, на резкое возрастание сложности управления малыми городами, с другой – на повышенный контроль со стороны властей субъекта РФ, который не всегда позитивно сказывается на ситуации в малых городах.

Мотивация глав как ресурс для развития малых городов

Результаты первого этапа исследования показали, что 8 лет назад мотивация глав муниципальных образований была слабой. Наши респонденты указывали на многие факторы своей «нерешительности – «отсутствие денег»», «привычка не высовываться», «нежелание рисковать».

Один из глав городов 8 лет назад замечал: *«Да, мы живем в удивительном пространстве, от этого никуда не деться. Но наш подход – решать вопросы по мере поступления. И не высовываться. Зачем суетиться, рваться, если результата все равно не будет. Когда денег нет, то надежд что-то изменить не остается совсем».*

О рискованности любых совершаемых действий на муниципальном уровне говорили и другие главы: *«Когда по любому поводу приходит «черная палата», а потом прокурор, а потом уголовное дело, все это заставляет триста раз подумать, а надо ли что-то делать?».*

Сниженной мотивацией отличались не только главы городов, но и члены их команд. В основе нежелания действовать лежали «страх ошибки», «боязнь потери работы», а иногда «несогласие с действиями первого лица», которые могли привести к массовому уходу из команды ее ключевых игроков. Например, в городе X команда потеряла мотивацию к работе, перестала доверять своему главе и фактически распалась: *«Когда глава избирался на второй срок, я смогла проработать с ним только год. Я не смогла мириться с теми условиями, в которые мы были поставлены. Я не могу работать с кривыми и черными схемами. Во второй срок серые схемы стали процветать. Глава старался окружить себя людьми, надежными, но он не смог выстроить с ними отношения. Он не был с ними до конца честным... люди стали играть свои игры. Это и разрушило всю команду... Доверие было подорвано»,* – замечает бывшая соратница главы, недавно ставшая заместителем по социальным вопросам нового главы.

Действенный способ борьбы с низким уровнем мотивации – смена глав городов и членов их команд.

Это хорошо было продемонстрировано на примере города G в 2012 г.: *«Пришел новый глава, и захотел сделать власть результативной. Ему пришлось пойти не на очень популярные меры. Он перетряхнул администрацию. Очень хорошо их тряхнул. Его девиз: или вы работаете, если не можете – учитесь, если учиться не можете – тогда уходите»*, – вспоминает главный редактор местной газеты.

Приведенный пример – свидетельство того, что первое лицо во власти может существенно повлиять на состав команды и мотивацию ее членов.

Исследования 2018–2020 гг. дали несколько более обнадеживающую картину.

В городах A, Y, Z, G локальные элиты или вполне, или частично удовлетворены своими главами, полагая, что они действуют вполне заинтересованно и в целом успешно.

В городе A пришедший к власти глава, тратит много усилий для борьбы со сложной социально–экономической ситуацией. Хотя эти усилия еще не дали должных результатов, респонденты признают, что *«он держит руку на пульсе»*.

В городе Z вернувшаяся на свой пост женщина-глава, через три года после снятия с должности и назначенная вновь новым губернатором [10], имеет высочайшую мотивацию – доказать губернатору и своему городу, что ее новое назначение не было ошибкой: *«Я люблю свой город, и я сделаю все, чтобы его снова поднять, исправив ошибки прежнего главы»*.

Город Y еще несколько лет назад возглавлял опытный и авантюрный глава, который был замешан в серых схемах. Пришедший ему на смену предприниматель сначала возглавил город, потом район, а всего год назад стал главой городского округа, т. е. муниципального образования первого уровня, в которое вошли и город, и район. Возглавив объединенную территорию, за управление которой он открыто боролся, глава активно приступил к работе, демонстрируя высочайшую мотивацию: *«Я хочу попробовать себя в управлении слитой территорией. Материальных мотивов у меня нет. Деньги я заработал в бизнесе. Мне просто хочется сказать себе – я это сделал»*.

В городах X и C мотивация действующих глав слабая, а ее изменения не заметны, что впоследствии стало причиной оных снятия со своих должностей.

Таким образом, в 2018–2020 гг. ситуация меняется к лучшему, однако сказать, что во всех во всех исследованных городах сегодня мы имеем мотивированных политических лидеров все же нельзя.

Особенно далеки от идеала, по оценкам наших респондентов, нынешние главы городов X и C, впоследствии ушедших со своих постов. Их собственные оценки своей деятельности также свидетельствуют о том, что недовольство городских элит во многих случаях вполне оправданно: *«Мне тоже сложно... Хочу ли я работать с энтузиазмом? Мне вам трудно*

ответить. Давайте я подумаю... В 60 лет гореть на работе не стоит. У меня нет здесь амбиций», – убежден глава города X, который был снят со своей должности через четыре месяца после исследования.

Близкая ситуация сложилась и в городе С. Там глава города был практически насильно поставлен на должность главы города и признает, что у него не получилось: *«Первое время по уровню договоренностей с губернатором, я, действительно, не собирался работать в городе... Я знал, что это за чудо такое... Мне губернатор, то туда пойдешь, то туда пойдешь... Я ему раз пять отказывал. Мне было неудобно. Я не понимал, что дальше произойдет. И согласился. Поработаю, посмотрим, а там будем определяться... Ведь не до смерти, наверное... Я не рассматривал эту территорию как место работы и жизни на постоянной основе. Прошло определенное время. Я как-то втянулся профессионально. Но без задора... У меня рейтинг невысокий. Были интервью... о недострое, граждане очень переживают, и второе, – я мало общаюсь с населением... И с элитами. Я не политик, а хозяйственник, мне нравится строить. Создается впечатление у людей, что мне город безразличен».* Не получилось у него и формирование эффективной команды. Ключевые фигуры в ней были набраны из территории, которой он раньше руководил. Местные элиты ему этого так и не простили: *«Здесь инфраструктура другая, чем на селе. Это город... Здесь люди себе цену знают... У главы нет той поддержки, которая нужна. Он город не чувствует, у него нет энтузиазма... А здесь нужна системная и планомерная работа... Надо думать о новом главе. На 90% все зависит от того, кто рулит»*, – убежден уважаемый всеми опытный директор местного завода.

Итак, анализ мотивационного уровня глав городов показывает, что в последние годы главы городов, хоть и не везде, стали более мотивированными к осуществлению лидерских функций. Это, означает, что отбор претендентов на пост главы города становится более строгим, но пока рано говорить об устойчивости данного тренда. Хотя вскрытая тенденция убедительно свидетельствует о том, что запрос элит и населения к власти значительно возрастает, что не может не отражаться на их работе.

Город G, в котором все верили в будущее...

Город G, его глава и общая ситуация в городе кардинально отличаются от всего того, что мы наблюдали во всех изученных нами городах. Пытаясь ответить на вопрос о том, возможны ли сегодня перемены в малом российском городе, мы обращаемся к примеру города G, который убедительно показывает, что такие перемены – это не миф, а вполне осязаемая реальность, плод совместных усилий ключевых локальных акторов.

Город G – моногород, хотя официально не входит в список моногородов Пермского края. В нем работают два крупных предприятия, на которых занято 1200 и 2500 человек. Меньшее по численности предприятие участвует в городской политике *«по возможности»* из-за сложного социально-экономического положения. Второе предприятие (М) является лидером в производстве метанола в России и занимает лидирующие позиции в мире. Именно поэтому компанию называют «Метаноловой империей».

Еще 10 лет назад ситуация в городе была весьма сложной. Отношения между местной властью и компанией М не складывались. Причина – неприятие компанией главы города.

После его смены, ситуация существенно изменилась. Предприятие М в лице своих руководителей стало принимать активное участие в городской политике, во многом определяя стратегию города. Председатель Совета директоров сегодня является депутатом законодательного собрания Края, обладает высоким авторитетом и пользуется уважением губернатора. Предприятие в последние годы активно развивается. Большинство наших респондентов убеждено, что *«город живет благодаря заводу»*.

Стратегические руководители компании, в лице Председателя Совета директоров и генерального директора, не просто помогают городу, выделяя деньги на реализацию городских социальных проектов, но и непосредственно принимают участие в планировании, обсуждении и реализации крупных городских проектов. И это не благотворительность, а твердый расчет: *«квалифицированные кадры должны жить в приемлемых условиях»*.

Огромную роль в выстраивании партнерских отношений играют лидерские качества главы и его способность идти на компромиссы. Сам глава города не сомневается в том, что взаимодействие у него получается: *«Здесь очень сильная команда, и в ней нельзя работать безответственно, неэффективно, не создавая рычагов для взаимодействия, не беря просчитанную ответственность на себя»*

Имея такого сильного партнера, муниципальная власть, тем не менее, играет важнейшую роль в развитии города, активно стремясь к сотрудничеству. Не пытаясь *«мериться силами друг с другом»*, два ключевых субъекта локального пространства успешно работают на развитие города.

Размышляя о взаимодействии власти и компании М, глава городского округа замечает: *«Председатель совета директоров влияет на принятие каких-то решений, но он влияет на них в рамках наших совместных договоренностей. Мы под ковром не бьемся. Он старается не вмешиваться в мою деятельность, а я в его. Мы всегда ищем компромиссные пути»*.

Оценивая ситуацию в городе G, можно утверждать – муниципальная власть способна меняться в лучшую сторону. Условием для такого изменения является наличие сильного лидера, эффективная команда последователей и стратегические партнеры, способные действовать в унисон с местной властью, а не противостоять ей.

После проведения исследования по 6 малым городам в 2018–2020 гг. мы проследили ситуацию в городе G дополнительно в 2022 г. Введение санкционного режима несколько усложнило ситуацию в городе. Теперь уже вряд ли можно сказать, что все жители, сама муниципальная власть и работники предприятия исключительно с оптимизмом смотрят в будущее.

Санкционный режим, который значительно усилился после проведения СВО, в начале 2022 г. не мог не сказаться на экономической, социальной и политической ситуации в городе G. Компания М была вынуждена

искать и находить новые стратегии выживания в усложнившихся условиях. Благополучие жителей, как и деятельность компании М оказались под угрозой. Однако это не привело к резкому сокращению производства, как следует из интернет-материалов и СМИ.

В интервью в СМИ в декабре 2022 г. технический директор компании рассказал о новом крупном инвестиционном проекте, который будет реализован в 2023 г. и позволит компании М значительно расширить свою линейку выпускаемых химических продуктов. Это масштабный проект, который, несмотря на санкционный кризис, позволит компании предположительно нарастить свою экономическую мощь и привлечь к работе новые кадры.

Одновременно, именно в этих сложных условиях, стратегическими лидерами компании было принято решение перейти к завершению формирования целевой модели управления, которая разрабатывалась ими с 2020 г. По замыслу в апреле 2023 г. холдинг должен был передать полномочия единоличного исполнительного органа вновь созданной управляющей организации. Целевая модель управления подразумевала, что за операционную деятельность будут отвечать предприятия, сгруппированные в три дивизиона: дивизион крупно- и среднетоннажной химии, дивизион смол в России, а также зарубежный дивизион смол и тонкой химии. Управляющая компания возьмет на себя функции стратегического контроля и оперативной координации их деятельности. Состав Совета директоров также обновился, в него вновь вошли генеральный директор компании М и прежний Председатель Совета директоров. Это свидетельствует о том, что работа стратегических лидеров компании М удовлетворяет собственников, и они доверяют им управление в сложных экономических условиях.

Продолжает ли компания М быть стратегическим поставщиком химической продукции за рубеж? Из материалов СМИ следует, что компания М отчиталась работникам и населению, что заняла второе место по объему экспорта одного из химических продуктов в России. Это косвенно свидетельствует о том, что им или удалось не попасть под санкции, или удастся их обойти. Вероятно, как считает один из экспертов, в том числе за счет того, что компания М является холдингом, и у нее есть юрлица в Европе, то быстрого негативного эффекта от вводимых санкций ожидать не стоит. Не исключено, что в любом случае *«проблемы с логистикой серьезные и их невозможно решить быстро»*, – замечает один из бывших руководителей завода.

Но это только предположения. Как считают респонденты, информации о том, что происходит с компанией М, в условиях санкционного режима, в СМИ проникает мало, что может свидетельствовать о наличии серьезных проблем, которые не озвучиваются публично. Но верным может быть и другой вывод – идет активная перестройка деятельности компании, которая не завершена, а потому результаты ее деятельности пока не предъясняются местному сообществу.

Население в городе, благодаря отсутствию информации, испытывает социальное напряжение, но протестной активности не выявлено. По отдельным поводам там вспыхивают недовольства. Как пример: резонансная

авария при перевозке в больницу, несколько женщин, погибли, оптимизация медицинских учреждений, плохие дороги, излив шахтных вод и пр., но они быстро гаснут. Таким образом, в целом, можно говорить о том, что социальный фон в городе относительно сбалансирован. Как заметил один из респондентов: *«Все стабильно у компании. Ничего особо интересного»*.

Муниципальная власть в городе в 2022 г. также претерпела серьезные изменения. Глава городского округа G, в результате присоединения к G близлежащего депрессивного района, был избран единогласно главой нового муниципального округа. В городском округе G в результате объединения стало преобладать сельское население, поэтому он получил статус муниципального. Смысл присоединения экономически сильной территории к депрессивному городу, эксперты комментируют коротко: *«Есть надежда, что город G вытащит эту депрессивную территорию из ямы»*.

Также в ноябре 2022 г. был переизбран Председатель городской думы. Им стал помощник заместителя Председателя Совета директоров, советник по взаимодействию с органами власти управления компании М.

Приведут ли эти перемены во власти к изменению партнерской модели взаимодействия между двумя ключевыми акторами, предсказать сложно. С большой вероятностью можно предположить, что в усложнившихся условиях компания М будет стремиться не усложнять свое взаимодействие с местной властью, а постарается сохранить статус-кво или даже нарастить потенциал взаимодействия. Придание статуса муниципального округа G в сложных экономических условиях свидетельствует о том, что компания не намерена покидать поле взаимодействия с муниципальной властью, а, значит, и в дальнейшем она будет контролировать все процессы, происходящие в муниципальном округе, и по необходимости продолжит финансирование всех важных социальных проектов.

Однако 2023 г. принес значительные и неожиданные изменения. Ситуация осложнилась еще больше, а неопределенность выросла многократно. В момент подготовки статьи к печати в СМИ появилась важная новость: Генпрокуратура РФ подала в суд иск в связи с незаконной приватизацией в 1990–х гг. градообразующей компании и потребовала изъять акции у нынешних владельцев, так как после приватизации завод контролируют лица из США. Завод производит опасную продукцию, поэтому его приватизация была запрещена, а государство в свое время незаконно было выведено из числа собственников, владельцы компании «противоправно» получили контроль над предприятием. Иск прокуратуры был удовлетворен¹. Из этого следует – судьба города и его жителей теперь находится в руках государства, и как будут развиваться события, покажет только время.

¹ Пермский «Метафракс» по производству метанола переходит в собственность России. URL: <https://runews24.ru/economy/08/09/2023/b00750f268a69243b27aa2e4a67a9cc7> (дата обращения: 10.11.2023).

Заключение: на пороге перемен

Ситуацию, складывающуюся сегодня в малых городах России, как в политическом, так и в экономическом контекстах, нельзя признать удовлетворительной. Несмотря на то, что последние годы принесли некоторые позитивные перемены, нельзя сказать, что в муниципалитетах теперь наступила эра благополучия. Пандемия усугубила ситуацию и сделала ее еще менее предсказуемой. Не говоря уже о санкционном режиме. Можно ли эту сложную ситуацию изменить к лучшему?

Полученные оценки респондентов позволяют утверждать, что позитивные перемены возможны, однако для их реализации необходимы определенные условия. Прежде всего, вышестоящие уровни власти как федерального, так и регионального уровней должны отказаться «от нисходящей слепоты». Это позволит направить информационные потоки не только сверху вниз, но и снизу вверх скорректировать принимаемые решения.

Муниципальной власти, по мнению респондентов (ключевых фигур локальной политики), нужны лидеры, а не исполнители. Это понимают и на региональных этажах власти, но пока инерция велика. Изменения идут, но не так быстро, как этого требует текущая ситуация в стране, особенно в условиях СВО и высокой геополитической конфликтности.

Наше исследование показало, что за последние 8–10 лет корпус глав муниципалитетов вместе с командами существенно изменился, к власти пришли более мотивированные люди, однако пока обновление чиновничьего корпуса происходит не так быстро, как этого требует современная ситуация. Среди глав муниципалитетов малых городов до сих пор встречаются «убежденные исполнители», которые не хотят рисковать своим местом, а потому не стремятся действовать инициативно.

Важным выводом данного исследования является тот факт, что малый город, как показывает приведенный выше пример, при всех ресурсных и иных ограничениях, вполне может развиваться. Основной залог успеха – партнерская модель взаимодействия, сложившаяся между местной властью и экономически сильным предприятием, когда крупный бизнес не просто помогает городу финансово (в решении социальных проблем), но и с помощью стратегических лидеров, – руководителей компании, выстраивает согласованную с местной властью стратегию развития города. По мнению респондентов, стратегический союз власти и бизнеса обеспечивает возможность позитивных перемен в таких городах, при условии, что ресурсная база градообразующего предприятия со временем не истощается, а имеет тенденцию к росту на фоне доверия со стороны местных элит и населения к стратегическим лидерам компании. Однако передача компании «в государственные руки» пока сделала ситуацию неопределенной и как будет развиваться ситуация в рассмотренном городе, покажет только время. Будем надеяться, что в перспективе удастся вернуться в этот город, чтобы увидеть, как он развивается в новых условиях. Можно предположить, что ключевые изменения коснутся, в первую очередь, высшего состава топ-менеджмента компании, но и новые фигуры вряд ли кардинально изменят взаимоотношения с местной властью.

Библиографический список

1. Витковская Т. Б., Рябова О. А. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УРО РАН, 2011. 259 с. EDN: QONDUD.
2. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / Отв. ред. Н. Петров, А. Титков. М.: РОССПЭН, 2010. 437 с. EDN: QOLMZV.
3. Гельман В. Я., Рыженков С. И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. № 4. С. 130–151. EDN: NTWCIP.
4. Гельман В., Рыженков С. И др. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России. 1991–2001. СПб.: Летний сад, 2002. 380 с.
5. Гельман В., Рыженков С. И др. Реформа местной власти в городах России. 1991-2006. СПб.: Норма 2008. 368 с. EDN: YVCFNV.
6. Дахин А. В., Солонченко Е. И. Городская политика: критический анализ теоретических подходов // Власть. 2019. № 6. С. 216–224. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6855; EDN: CPUPEW.
7. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН, 1999. 192 с. EDN: VKDFUF.
8. Ледяев В. Г. Социология власти. М.: НИУ ВШЭ. 2012. 472 с. EDN: SDSRBH.
9. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с. EDN: NLOLLT.
10. Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН. 2019. 545 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019; EDN: YCUHFD.
11. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы / Отв. Ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин. М.: ФНИСЦ РАН 2021. 598 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021; EDN: AOXBJP.
12. Моляренко О. Местное самоуправление в России или Хроники крайней власти // Мир России. Социология. Этнология. 2021. № 1. С. 8–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28; EDN: XVTIYE.
13. Олейник А. Н. Власть и рынок. М.: РОССПЭН, 2011. 437 с.
14. Пустовойт Ю. Городские политические режимы: типология, причины формирования, возможности акторов // Вестник Бурятского госун-та. Экономика и менеджмент. 2017. № 3. С. 9–16. DOI: 10.18101/2304-4446-2017-3-9-16; EDN: ZRBPRT.
15. Туровский Р. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro nunc. 2015. № 1. С. 82–98. EDN: VHWOAF.

16. Туровский Р. Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. 2019. № 2. С. 13–30. DOI: 10.31249/poln/2019.02.01; EDN: WXXSAC.
17. Туровский Р., Васеленко Е. Актуальное состояние и перспективы развития внутригородского местного самоуправления. в больших городах // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 1. С. 13–30. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.100-121; EDN: YZUBNR.
18. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256. EDN: UMAZMP.
19. Чирикова А. Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. EDN: RAZOXF.
20. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: НИУ-ВШЭ, 2017. 414 с. EDN: XTHYDB.
21. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Главы малых российских городов: лидерство и эффективность управления // Мир России. Социология. Этнология. 2021. № 1. С. 29–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48; EDN: ARGXCN.
22. Cochrane A. Illusions of power: interviewing local elites // Environment and Planning A. 1998. Vol. 30. No. 12. P. 2121–2132. DOI: <https://doi.org/10.1068/a302121>.
23. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in American City. New Haven: Yale University Press, 1961. 355 p.
24. Gel'man V., Ryzhenkov S. Local Regimes, Sub-national Governance and the “Power Vertical” in Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 3. P. 449–465. DOI: 10.1080/09668136.2011.557538.
25. Glinka K. The Urban Regime Theory in Political Science Research – The Possibilities and Limitations of Implementation // Polish Political Science Review. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 1–21. DOI:10.2478/ppsr-2020-0012.
26. Harding A. The History of Community Power // Theories of Urban Politics / Ed. by J. S. Davies, D. L. Imbroscio. L.: Sage, 2009. P. 27–39.
27. Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1953. 297 p.
28. Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. 314 p.
29. Stone C. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53 No. 1. P. 3–39. DOI: 10.1177/1078087416674328.
30. Wanna J. Regional Political Leadership // The Oxford Handbook of Political Leadership / Ed. by R. A. W. Rhodes, P. Hart. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 564–579.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9

Power in Small Russian Cities: Managerial Problems and Motivation of Actors

Alla E. Chirikova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

chirikova_a@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7980-3150

For citation: Chirikova A. E. Power in small Russian cities: managerial problems and motivation of actors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 165–183. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9; EDN: KXGAVF.

Abstract. The paper analyses Russian municipal power on the example of small Russian cities. The analysis is based on the results of an empirical study conducted with the author's participation in six small towns in Perm Krai, Ivanovo and Tambov regions. The research was conducted in two stages. The first stage consisted of 69 in-depth interviews with representatives of local and regional elites and experts conducted in 2012–2015. At the second stage in 2018–2020, 64 interviews were conducted, including as well the same respondents who were interviewed at the first stage. In 2023, several additional interviews were conducted with experts in the city G of Perm Krai due to the dramatically changed situation.

The conducted research allows us to say that the problem field of small towns has not changed so significantly over the years. The problems are still concentrated around the theme of deteriorating socio-economic situation, taxes and personnel deficit. At the same time, managerial problems of the authorities are growing due to the deficit of personnel in small towns, managerial weakness of some heads of small towns. Among the new problems are pandemic, insufficient number of leaders in the corps of municipal managers, and the consequences of SWO. The analysis of the motivational profile of the heads of municipal entities and their teams has shown that in recent years the level of motivation and management efficiency have increased among the heads of cities. The elites' and population's demand for power has significantly increased, which could not but affect the internal motivation of actors. The empirical study on the example of one single-industry town demonstrated that a small town despite all resource and other constraints can continue to develop if a partnership model of interaction between local authorities and strategic leaders of a large company is formed. However, it does not always guarantee that the achieved efficiency of interaction between government and business will remain unchanged if the federal government interferes in the system of relations between the two actors.

Keywords: power, Russia, small towns, motivation of actors, leadership

References

1. Vitkovskaya T. B., Ryabova O. A. Monogoroda Srednego Urala: Lokal'nye eliti i politicheskiye protsessy [Monotowns of the Middle Urals: local elites and political processes]. Yekaterinburg, RIO URO RAN, 2011: 259 (in Russ.). EDN: QONDUD.
2. Vlast', biznes, obshchestvo v regionakh: nepravil'nyi treugol'nik [Power, business, society in regions: irregular triangle]. Ed. by N. Petrov, A. Titkov. Moscow, ROSSPEN, 2010: 437 (in Russ.). EDN: QOLMZV.
3. Gel'man V. Ya., Ryzhenkov S. I. Lokal'nye rezhimy, gorodskoe upravlenie i "vertikal' vlasti" v sovremennoi Rossii [Local regimes, city government and "power vertical" in modern Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: Politeks*, 2010: 4: 130–151 (in Russ.). EDN: NTCWIP.
4. Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. Avtonomiya ili kontrol? Reforma mestnoi vlasti v gorodakh Rossii [Autonomy or control? Reform of local government in modern Russia. 1991–2001]. St. Petersburg, Letnii sad, 2002: 380 (in Russ.).

5. Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. Reforma mestnoi vlasti v gorodakh Rossii. 1991-2006 [Reform of local government in modern Russia. 1991-2006]. St. Petersburg, Norma, 2008: 368 (in Russ.).
6. Dakhin A. V., Solonchenko E. I. Urban politics: critical analysis of theoretical approaches. *Vlast'*, 2019: 6: 216–224 (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6855; EDN: CPUPEW.
7. Lapina N. Yu., Chirikova A. E. Regional'nye elity v RF: modeli povedeniia i politicheskie orientatsii [Regional elites in Russia: models of behavior and political orientations]. Moscow, INION, 1999: 192 (In Russ.).
8. Ledyayev V. G. Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]. Moscow, NIU VShE, 2012: 472 (in Russ.). EDN: SDSRBH.
9. Ledyayev V. G. Vlast': kontseptual'nyi analiz [Power: A conceptual analysis]. Moscow, ROSSPEN, 2001: 384 (in Russ.).
10. Small towns in social space. Ed. by V. V. Markin, M. F. Chernysh. Moscow, FNISTS RAN, 2019: 545 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019.
11. Russian small towns: new challenges, social problems and perspectives. Ed. By M. F. Chernysh, V. V. Markin. Moscow, FNISC RAN, 2021: 598 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021.
12. Moliarenko O. Local government in Russia or chronicles of distant power. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2021: 1: 8–28 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28; EDN: XBTIYE.
13. Oleinik A. N. Vlast' i rynek [Power and market]. Moscow, ROSSPEN, 2011: 437 (in Russ.).
14. Pustovoit Yu. Urban political regimes: typology, reasons for formation, possibilities of actors. *Vestnik Buriatskogo gosun-ta. Ekonomika i menedzhment*, 2017: 3: 9–16 (in Russ.). DOI: 10.18101/2304-4446-2017-3-9-16; EDN: ZRBPRT.
15. Turovskiy R. Local government in Russia and the evolution of political regime in Russia. *Pro nunc*, 2015: 1: 82–98 (in Russ.). EDN: VHWOAF.
16. Turovskiy R. Settlement as a subject of local politics: theoretical bases of research. *Politicheskaya nauka*, 2019: 2: 13–30 (in Russ.). DOI: 10.31249/poln/2019.02.01; EDN: WXXSAC.
17. Turovskiy R., Vaselenko E. Current condition and perspectives of the development of intra-city local government. *Regionologiya*, 2019: 27: 1: 13–30 (in Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.100-121; EDN: YZUBNR.
18. Tykanova E. V., Khokhlova A. M. Urban political regime in Saint Petersburg: the role of real and imaginary “growth machines” in the struggle for urban space. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 2015: 2: 241–256 (in Russ.). EDN: UMAZMP.
19. Chirikova A. E. Regional elites of Russia. Moscow, Aspekt Press, 2010 (in Russ.). EDN: RAZOXF.
20. Chirikova A. E., Ledyayev V. G. Power in a small Russian town. Moscow, NIU VShE, 2017: 414 (in Russ.). EDN: XTHYDB.
21. Chirikova A. E., Ledyayev V. G. Heads of small Russian towns: leadership and effectiveness of government. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2021: 1: 29–48 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48 EDN: ARGXCN.
22. Cochrane A. Illusions of power: interviewing local elites. *Environment and Planning A*, 1998: 30: 12: 2121–2132.
23. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in American City. New Haven, Yale University Press, 1961: 355.
24. Gel'man V., Ryzhenkov S. Local Regimes, Sub-national Governance and the “Power Vertical” in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, 2011: 63: 3: 449–465. DOI: 10.1080/09668136.2011.557538.
25. Glinka K. The Urban Regime Theory in Political Science Research – The Possibilities and Limitations of Implementation. *Polish Political Science Review*, 2020: 8: 2: 1–21. DOI: 10.2478/ppsr-2020-0012.
26. Harding A. The History of Community Power. In Theories of Urban Politics. Ed. by J. S. Davies, D. L. Imbroscio. London, Sage, 2009: 27–39.
27. Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill, NC, University of North Carolina Press, 1953: 297.

28. Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence, University Press of Kansas, 1989: 314.

29. Stone C. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View. *Urban Affairs Review*, 2017: 53: 1: 3–39. DOI: 10.1177/1078087416674328.

30. Wanna J. Regional Political Leadership. In *The Oxford Handbook of Political Leadership*. Ed. by R. A. W. Rhodes, P. Hart. Oxford, Oxford University Press, 2014: 564–579.

The article was submitted on: January 23, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla E. Chirikova, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher at the Center for Theoretical and Historical-Sociological Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS